

Эвальд РИБ. На конкурс, посвященный 50-летию ММК

ЗОЛОТЫЕ КОСТРЫ

Людмила Петровна с удивлением наблюдала во время прогулки возле парка за малышами. После долгого отдыха на даче они как-то необычно рассматривали каждый дом, каждое дерево, каждый кустик, будто все это видели впервые.

На набережной, где стоит белая палатка, Костя сказал:

— Я знаю, какие там слова напечатаны.

— Какие? — спросила воспитательница.

— Мы жили в палатке с зеленым оконцем, промытой дождями, просушенной солнцем, да жгли у дверей золотые костры на рыхлых камнях Магнитной горы.

— А кто написал, знаешь?

— Борис Ручьев. Он вместе с моим дедушкой строил наш город. И жили они в такой палатке. А палаток было — целый городок.

Влада, перепрыгнув через скалку, спросила:

— Почему она такая толстая? Палатки бывают тонкие.

Людмила Петровна еще думала, как ответить, а Костя уже объяснял:

— Все брезентовые палатки в одну собрали. Переехали в дом, а из всех палаток сделали эту!

Когда мы вышли из клуба, пионервожатая начала знакомить меня с достопримечательностями лагеря, с жизнью и делами школьников. Самое удивительное в этом сказочном крае — стоят в березовом лесу дачи, возле которых растут грибы. Пионеры и октябрята собирают их и отдают неутомимым работникам столовой, а те стряпают им вкусные пироги. Я их пробовал — пальчики оближешь.

Приближаясь к центральному воротам, где на зеленом ковре сидела довольно большая группа ребят, мы услышали: «Мы жили в палатке с зеленым оконцем...». И почему-то замолчали. Один из них побежал к нам навстречу. Мальчик был в спортивном костюме. Подвижный. Бойкий. От него пахло густым рассветом уральских берез.

— Дядя, а дальше как? — улынулся он.

— Промытой дождями, просушенной солнцем, да жгли у дверей золотые костры на рыхлых камнях Магнитной горы.

— Стихи вам нравятся?

— Еще бы! — привстал один. — Мой дедушка тоже жил в такой палатке, тоже строил наш город.

А другой сказал:

— Моя бабушка тоже жила в палатке. Учила рабочих грамоте.

— А что еще знаете о нашем городе?

— Наш город, — вспыхнул один из дежурных, — здорово во время войны отличился!

— Чем?

По просьбе члена Союза писателей СССР Владилена Машковцева я выступил перед ребятами пионерского лагеря имени Павлика Морозова. Читал им свои стихи, рассказы. Закончил выступление новеллой.

Предлагаю ее вашему вниманию.

— Каждый третий снаряд был сделан из магнитогорского металла. Каждый второй танк был одет в магнитогорскую броню.

— И все это, ребята, сделали ваши бабушки, дедушки, мамы, папы.

— Мой папа тоже в войну работал, — негромко сообщил мальчишка в спортивном костюме, — ему было 15 лет. Даже в цехе спал. Только рано просыпался от голода.

А его сосед добавил:

— Наш Магнитогорск — город мужества, город героев.

— Он — и город большой литературы, — сказал я. — Хотите, прочитаю вам стихи Бориса Александровича Ручьева?

— Почитайте, почтайте! — просили дети.

МОЙ ИЮЛЬ

В птичий месяц моего рождения непопад леса свистят: июль! Росы, рассыпаясь от падения, умывают родину мою. На горах костры горят без дыма, жуют заря заказанный сосняк. С тропками, витыми и пустыми, вся земля, как озеро, ясна. И, прощаясь, по своей охоте вьвь мне снится, только замолчу, что лечу я в синем самолете, часовым над Родиной лечу...

КОНЕЦ МЕСЯЦА АПРЕЛЯ

Тихо сгасли звезды-недотроги по ручьям, разбившим легкий лед. Зяблики спустились на дороги и совсем забыли про полет. Скоро вся окрестность охмелела, солнце становилось на ребро, и шатались сосны, по колено в снежной пене горных погребов.

Закачалась речка, льды срезая, переправы руша, и на льду заметался, закружилась заяц, зимогор, почуявший беду. Грудь разбил и окровавил губы и от боли лег, а из-за снал грозно выходили лесорубы, город мой дышал в крутые трубы, синим пеплом снег пересыпал. Дом мой ледоходом на причале лег от города и до реки.

Ровно в полдень в двери постучали легким топорищем земляки. Самый старший повстречал понлоном, поднял зайца со своей груди, отдал мне и наизнал спокойно: — Зверь исходит кровью.

И я замолчал. Ребята посмотрели на меня:

— А дальше как?

— Забыл, — ответил я.

— В нашей библиотеке есть стихи Ручьева, — вдохновились пионеры, — прочтем!

— Прочтите и поэму «Невидимка», — посоветовал я, — ахнете! У Бориса Александровича было много друзей.

— Я знаю, кто его друг, — сказала девочка. — Дедушка Люгарин. Он к нам приезжал в первую смену. Рассказывал, как они вместе ездил в Москву показывать свои стихи, как вместе приехали в Магнитогорск.

Я добавил:

— Борис Александрович ему посвятил свое стихотворение «Стихи первому другу». Послушайте, как они жили:

...Хлеб делили, соль делили, жизнь делили, на табак, и по графику носили

разъединственный пиджак.

А вот какие требования к себе предъявляли:

— Все проверь, за правду не сердчай,

и запомни: в жизненном строю

за твою походку отвечаю,

как и ты

ответишь за мою.

Голубоглазая девочка лет четырнадцати, прибежавшая к нам, вспомнила:

— Мы со своей учительницей ходили в дом-музей Ручьева. Слышали живой голос поэта. Видели его вещи, награды. Любовь Николаевна (его жена) так хорошо рассказывала о творчестве, о жизни Бориса Александровича, что все слушали внимательно. И мне тогда было стыдно, что не знала такого большого поэта, который жил в родной Магнитке.

Потом я спросил:

— А кто еще выступал у вас?

— Поэт Владилена Машковцев,

— ответила курносая девочка. — Я его несколько раз слышала в школе, в пионерских лагерях. Мне очень нравится стихотворение «Меня в лесу березка родила». А мальчик добавил:

— Мы с папой в восторге от стихотворения «Магнитное поле».

— Наизусть не помнишь? — поинтересовался я.

— Помню. На школьном конкурсе читал.

— И место занял?

— Первое. А Наташа, — указала на девочку, — читала отрывок из «Рассстреленного ветра» Станислава Мелешина. Заняла второе место.

— Я рос на далёком Тоболе и перед ним в долгу... Попал я в магнитное поле и вырваться не могу. Сибирь мою в крестные брал, но снова магнитное поле тянуло меня на Урал. Магнитное поле улыбки, магнитное поле труда, магнитное поле Магнитки притянет к себе поезда. Качнет корабли на причале, разломит в Антрактине лед... Магнитом магнитное поле России и себе повернет.

— Стихотворение великолепное! И читаешь отлично. Хотите, ребята, я вам расскажу два случая о Владилена Ивановиче?

Лет шестнадцать назад я работал в «Сосновом бору» руководителем художественной самостоятельности. Поэт приехал в наш лагерь и отлично выступил перед ребятами и сотрудниками. На следующий день мы с ним договорились вместе уехать в город. Примерно за два часа отправились пешком на станцию. По пути зашли к моей семье, которая отдыхала в Анненске. Хозяйка засуетилась:

— После вчерашней грозы у нас свет погас. Видите, на столбе, рядом с домом, провода целые, а света нет. Наверно, контакт нарушен.

— Без света не оставим! — сказал Владилена Иванович. — Какое-нибудь бревно у вас найдется?

— Этого добра у нас хватает. Машковцев, тут же притащил из огорода четырехметровую жердь, подтесал ее топором с обеих сторон (сделал ровную площадку), посмотрел на меня:

— За мной, по лестнице в небеса!

— Представляете, какое у меня было «веселое» настроение: первое — с детства страшно боялся высоты, второе — одно неосторожное движение — жердь соскользнет со столба, и Машковцев разобьется насмерть.

Когда он целился лечь на жердь, я закрыл глаза, держа дрожащими руками березовую жердь на крыше, и больше их не открывал, пока Анна Васильевна не крикнула:

— Свет вернулся!

А Владилена Иванович взял свой портфель и быстрыми шагами отправился в сторону вокзала. Я за ним.

На «Богатый остров» я добрался на попутной машине (это было несколько лет назад). Первое, что меня поразило, — умирающие деревья гордо смотрели в облачное небо. Мне казалось: они вспоминали трехлетнюю засуху и чуть слышно просили: «Пить!.. Пить!..»

После ужина я выступил перед пионерами, а на следующий день в десять часов утра — выступление во Дворце калибровочного завода. Начальник лагеря обещал меня отправить какой-нибудь машиной, но ничего не получилось.

— Утром обязательно увезем! — сказал он в 12 часов ночи.

Проснулся я на рассвете. Разбудил молодого байниста, у которого я спал в комнате:

— Выручи, пожалуйста, отвези меня в город на своем мотоцикле.

— Хорошо! — протирал он глаза.

Отъехав метров триста, мы упали. Водитель лежал в стороне, а я был крепко прижат к земле мотоциклом. С трудом сделал первый вдох, почувствовал острую боль в левом боку. Парень осторожно снял с меня двухколесного виновника и спросил:

— Здорово ушиблись?

— Нет, — кивнул я.

— Скоро будет асфальт, — успокаивал меня водитель. — Видите, ночью прошел дождь, скользко.

Подъехали к дому, когда люди еще спали, а байнист торопился назад, чтобы не опоздать на зарядку.

Жена помогла мне раздеться, умыться, и я лег спать. В нужный час она меня разбудила. Кое-как поднялся. Позвонил Владилена Ивановичу, рассказал обо всем, что произошло, попросил послать кого-нибудь вместо меня, а он спокойно сказал:

— Все заняты. Задание нужно выполнять. Во время войны, я думаю, солдат не в таком состоянии выполнял приказ командира...

И я выступил. Никто ничего не заметил. Когда я приехал домой, жена вызвала скорую помощь. Опытный врач вздохнул:

— У вас два ребра сломаны.

Тут же меня отвезли в больницу. Сделали снимок. Все точно.

Сегодня я часто думаю: иногда нам не хватает такого голоса, как у Машковцева, от которого человек способен сделать невозможное...

После небольшой паузы я обратился к мальчику:

— Еще кого знаешь?

— Писателя Александра Лозневого. Он был на финской войне, прошел всю Отечественную. Командир взвода. Участвовал в обороне горного Кавказа. Награжден орденами, был тяжело ранен. У него отличные сказки, сатирические стихи, песни.

Есть у меня и книга стихов Александра Павлова «Предгорье». Зачитываюсь! Вот послушайте стихотворение «Станция Сычи».

Подобру ли, поздорову ли я заехал (хоть кричи!) не на станцию Еловую, а на станцию Сычи. Свет зеленый в полночь ломится, она в воздухе парят... Знать, великая бессонница ододела всех подряд.

Тени важные за штормами возвышаются в ночи.

Что за станция, которая называется Сычи?

Я спешу дорожной торною под холодную луну.

Что за станция, которая подшутила надо мной?

Шлибы жители неважные.

Поздний гость — не постучи. Тени с душами бумажными!

Поглядишь — и впрямь сычи.

Но рука земле поклонится острогрудым топором.

На простуженной онойлице я срублю себе хором.

Расписной, неогороженный, с носяками заодно

врежу в стену придорожную широченное окно.

Все его завешу воблюю,

о большан ударю клич:

— Заходите, люди добрые!

Заходите, кто не сын!

Шел я как-то по проспекту Ленина, а мне навстречу — Борис Александрович Ручьев (это было в 1972 году). Он протянул мне руку:

— Поздравляю, Эвальд, с рассказами о Ленине. Рад за тебя.

Очень хорошо, что центральная немецкая газета «Нойес лебен» (Москва) опубликовала их. Извини, спешу. Всего доброго.

— Это те самые, о которых вы нам рассказывали?

— Да... Честно говоря, я тогда растерялся от такого сюрприза.

Долго смотрел ему вслед и думал: «Откуда он мог узнать? Первый поздравил меня с успехом».

Потом я узнал от Нины Георгиевны Кондратовской, что он позвонил ей и уточнил «наш это Риб или не наш?»

— Плохо, что я не знаю немецкий язык, — пожаловался поэт.

А Нина Георгиевна, когда перевела ему содержание новелл, спросила:

— А где вы взяли эту газету?

— В киоске купил. Мои стихи там переводят на немецкий язык. Вот и заглянул.

— А Нина Георгиевна кто? — спросили дети.

— Поэтесса, — ответила девочка, опередив меня. — Она в нашем доме живет. Ветеран Магнитки. Пишет стихи для детей и взрослых.

— Помнишь какое-нибудь?

— Помню.

ОБИДА

Есть обида мелкая, ползучая, от заноз, от глупости, от случая.

Если уж такая застит свет, — жалко мне твоих напрасных лет.

Но когда иное в жизни станется: Самое глубокое поранится.

Самое заветное тиранится, — Я жалеть не буду. Я приду.

Мы разделим поровну беду.

— И вот сегодня, ребята, с нами нет Бориса Александровича. Многие поэты посвятили ему свои стихи. Антонина Баева выразила эту тяжкую утрату так:

...Уходят люди без возврата.

Уходят, сколько ни жалей!

Но вот последняя утрата

Из всех, пожалуй, тяжелей.

Он жил —

и рядом слаще пелось.

Он пел — и, слушая его,

Другим найти строку хотелось,

Как у Ручьева самого...

После этого я простился с пионерами. Отправился по лесной тропинке на станцию «Абзаково».

До меня доносились звонкие голоса:

Мы жили в палатке с зеленым оконцем, промытой дождями,

просушенной солнцем, да жгли у дверей золотые костры,

на рыхлых камнях Магнитной горы.

Рафук АГАЕВ

Шабашка

Варвара, скрестив на груди полные белые руки, терпеливо ждала, когда муж закончит писать заявление. В том месте, где надо было указать причину увольне-

ния, Валентин остановился и, отдуваясь будто от тяжелой работы, вскинул на нее и у вопрошенный взгляд. Встретив в ее глазах сочувствие, вновь скло-

нился над листком бумаги. Но вот он размахисто расписался, хлопнул ладонью по столу.

— Наконец-то!

Красивое лицо Варвары расплылось в улыбку. «Наконец-то», — мысленно повторила она, — Валентин едет на шабашку». Ее глаза озорно заблестели от ощу-

щения близости больших заработков, от сладкого предчувствия важных для их семьи перемен.

Валентин, поддавшись веселью жены, заготовил на всю квартиру.

— И как это я раньше не догадался? — потрясая перед женой листком бумаги, торжествовал он. — Пят-

надцать лет проторчал на монтажном участке. Думал, иначе и нельзя. А все, оказывается, просто: решил — и сразу другая жизнь. А, Варвара, благодать! Рубли мои, рублики! Вот это житуха у нас будет!

Они преданно смотрели друг на друга, словно не-

сколько строчек заявления еще больше сроднили их.

— Завтра же отдам начальнику, — решительно заявил Валентин.

Но и через несколько дней, когда поздно вечером к ним в квартиру шумно ввалились «други-шабашники», заявление все

(Окончание на 4-й стр.)